

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 3. С. 842–866

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 3 (2022): 842–66

Научная статья

УДК 330.82+930.2

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-3>

«Образ будущего» в политико-правовой и экономической мысли российского либерализма конца XIX – начала XX в.

Дмитрий Владимирович Аронов✉

Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева,

Орел, Россия,

aronovdv@mail.ru✉; <https://orcid.org/0000-0002-5991-4638>

Dmitrii V. Aronov

Orel State University
named after I.S. Turgenev,

Orel, Russia,

aronovdv@mail.ru✉; <https://orcid.org/0000-0002-5991-4638>

Светлана Анатольевна Аронова

Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева,

Орел, Россия,

aronovasa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5496-699X>

Svetlana A. Aronova

Orel State University
named after I.S. Turgenev,

Orel, Russia,

aronovasa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5496-699X>

Владимир Иванович Астрахан

Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева,

Орел, Россия,

vianostra@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6457-7576>

Vladimir I. Astrakhan

Orel State University
named after I.S. Turgenev,

Orel, Russia,

vianostra@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6457-7576>

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики образа будущего, сформулированные в политико-правовой мысли российского либерализма конца XIX – начала XX в. в качестве ориентиров для политико-социального проектирования. На основе результатов проведенного анализа делается вывод о том, что в российской либеральной мысли сформировался общий образ будущего российского социума, предполагавший синтез либерального мировоззрения с исторически сложившимися практиками государственного управления. Основой образа будущего выступала либеральная модель реформирования страны, а базовой парадигмой социального конструирования – примат мирного реформирования социально-политической системы. Данный подход справедлив как для политико-правовой, так и для социально-экономической мысли, хотя в отношении последней существует определенная специфика, отраженная в настоящей статье и прослеживаемая в работах таких мыслителей той поры, как И.К. Бабст, И.И. Янжул, А.И. Бутовский, Д.И. Менделеев, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский и проч. В рамках осуществленного анализа в числе отличий рассмотрены такие аспекты, как существенное различие в восприятии места и взаимосвязи экономической системы с социумом, что привело к появлению в работах российских либералов термина «нравственный капитал», а также доказательств взаимосвязи нравственности и экономического развития; восприятие человека российскими либеральными экономистами в контексте будущего нашей страны, роль которого мыслилась в качестве творца хозяйствования; адаптация европейского опыта к условиям российской действительности, что заставляло корректировать образ идеальной экономики будущего России с учетом национальных особенностей страны; наличие в анализируемых работах четкого представления о том, что достижение светлого будущего возможно лишь при условии нового этапа реформ «сверху». При этом, в статье подчеркивается, что несмотря на наличие рассматриваемой специфики, общий подход к «образу будущего» в экономическом контексте вполне укладывается в мейнстримовскую либеральную концепцию.

Ключевые слова: российский либерализм, «либеральный образ будущего», социальное проектирование, ненасильственные методы социальных преобразований, взаимосвязь экономики и нравственности, роль государства в реформировании экономики, либеральная модель реформирования страны

Для цитирования: Аронов Д.В., Аронова С.А., Астрахан В.И. «Образ будущего» в политико-правовой и экономической мысли российского либерализма конца XIX – начала XX в. // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2022. Т. 6, № 3. С. 842–866, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-3>

“Image of the Future” in politico-legal and economic thought of Russian liberalism of the late 19th – early 20th centuries

Abstract. The article examines the main characteristics of the image of the future formulated in the politico-legal thought of Russian liberalism of the late 19th – early 20th century as reference points for political and social design. Based on the results of the analysis, it is concluded that Russian liberal thought formed a general image of the future Russian society which presupposed the synthesis of a liberal worldview with historically established practices of public administration. The liberal model of reforming the country was viewed as the basis of the image of the future, and the primacy of peaceful reform of socio-political system was considered as the basic paradigm of social

construction. This approach is valid for both politico-legal and socio-economic thought, although there is a certain specificity in relation to the latter, which is reflected in this article and can be found in the works of such thinkers of the time as I. Babst, I. Yanzhul, A. Butovskii, D. Mendeleev, S. Bulgakov, M. Tugan-Baranovskii, and others. Within the framework of the analysis, the following aspects of difference are considered: a significant difference in the perception of the place and interconnection of the economic system with society, which led to the appearance of the term “moral capital” in the works of Russian liberals and proof of the connection between morality and economic development; the perception of a person whose role was thought of as that of the creator of economy by Russian liberal economists in the context of the future of our country; adaptation of the European experience to the conditions of Russian reality, which forced the image of the ideal economy of the future of Russia to be adjusted taking into account national characteristics of the country; the presence in the works under analysis of a clear idea that it is possible to achieve a bright future only with a new stage of reforms “from above.” At the same time, the article emphasizes that despite the presence of the specific features under consideration, the general approach to the image of the future in the economic context fits perfectly into the mainstream liberal conception.

Keywords: Russian liberalism, “liberal image of the future”, social design, nonviolent methods of social transformation, relationship between economy and morality, role of the state in reforming the economy, liberal model of reforming the country

For citation: Aronov, D.V., S.A. Aronova, and V.I. Astrakhan. “Image of the Future” in politico-legal and economic thought of Russian liberalism of the late 19th – early 20th centuries.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 3 (2022): 842–66. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-3>

Введение

Вопрос о формировании так называемого «образа будущего» в партийной программатике и политико-правовом наследии конкретных политических сил имеет важное значение в силу того, что позволяет, естественно при наличии здорового научного скепсиса, сделать один из наиболее сложных в исторической науке шагов: попытаться проникнуть в мироощущение тех, кто оставил нам плоды как своих теоретических размышлений, так и вполне прикладных, политико-правовых сценариев его достижения. Понять, к чему стремились герои наших нынешних исследований, в каком соотношении в формируемом ими образе будущего находились холодная аналитика и искренние душевные устремления, что в нашем представлении может стать одним из методологических подходов, который позволит по-новому подойти ко многим уже введенным в научный оборот источникам, равно как использовать их новую комбинаторику.

Одной из проблем в использовании понятия «образ будущего» применительно к политической истории российского либерализма (впрочем, как и к иным течениям политико-правовой мысли) выступает явно недостаточная на настоящий момент степень разработанности данного понятия

как в отечественной, так и в зарубежной науке. Словосочетание «образ будущего» достаточно давно вошло в современный язык и далеко не всегда единообразно употребляется представителями различных профессий, субкультур, научных направлений. Как справедливо отмечает один из ведущих отечественных специалистов, анализирующих подобные философские концепты, И.В. Желтикова, «словосочетание «образ будущего» употребляется скорее интуитивно, чем рационально»¹. Само словосочетание вошло в научный оборот благодаря работам датского социолога Фреда Полака, предложившего для объяснения ряда явлений общественной жизни достаточно близкие «образу будущего» дефиниции, однако, несмотря на то, что его употребление в речи насчитывает уже более чем полувековую историю, строго институционального определения данного понятия пока не существует².

Мы разделяем мнение И.В. Желтиковой о том, что

в гуманитарных исследованиях пришло время перейти от произвольного использования словосочетания «образ будущего» к его категориальному закреплению, для чего требуется определить значение термина «образ будущего» как самостоятельной категории социогуманитарных исследований и выявить его онтологический статус³.

Несомненным вкладом в указанный процесс является предложенное ею определение «образа будущего», который, согласно И.В. Желтиковой, представляет собою

относительно целостную картину будущего, которая вырабатывается в определенное время в определенном социуме и является одним из элементов социальной реальности⁴.

---

¹ Желтикова И.В. Образ будущего в трактовке Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/3201311> (дата обращения: 23.03.2022).

² См. подробнее: Боценко И. «Образ Будущего». История – «Бесконечная книга». Наш ответ Фукуяме // LiveJournal. URL: <http://ani-al.livejournal.com/2000533.html> (дата обращения: 23.03.2022); Кара-Мурза С.Г., Патоков В.В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. Москва: Общественный диалог, 2010; Хазин М.Л. России остро необходим свой «образ будущего» // Мультипортал КМ. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2011/12/06/partiya-edinaya-rossiya/rossii-ostro-neobkhodim-svoi-obraz-budushchego> (дата обращения: 23.03.2022); Желтикова И.В. Утопия как образ будущего // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 302–311 и др.

³ Желтикова И.В. Образ будущего в трактовке Ф. Полака.

⁴ Желтикова И.В. Образ будущего в трактовке Ф. Полака.

При этом автор вполне отдает себе отчет в том, что исследователи в формулировке данного определения находятся лишь в начале пути, отмечая, что и предложенный ею вариант имеет изначально интуитивную природу.

Предлагаемое определение, при всех своих явных достоинствах, как представляется, не может быть в неизменном виде применено к предмету нашего исследования, а именно к анализу политико-правовой и социально-экономической мысли российского либерализма. Главным из его недостатков в данном случае выступает универсализм, неизбежно присущий дефинициям подобного уровня обобщения. Как справедливо указывает И.В. Желтикова, анализируя творчество Ф. Полака (в авторском переводе) и его предшественников, образ будущего генерируется в самых различных социальных группах, обретая при этом черты, которые трудно поддаются типологизации. То есть определенные образы будущего проецировали, например, многие литературные герои, такие как Акакий Акакиевич или Рахметов, однако сведение этих образов воедино вряд ли принципиально возможно. Ряд подобных примеров может быть значительно продолжен.

Формирование образа будущего в социально-экономическом сегменте либеральной общественной мысли также имеет ряд определенных особенностей. Российская политическая экономия второй половины XIX в. развивалась в общем контексте мировой экономической науки. Определенный импульс она получила благодаря либеральным реформам 60-х гг. Но невозможно не отметить некоторые особенности нашей экономической школы, которые сказались на формировании образа будущего России, важнейшими из которых считаются существенные различия в восприятии места и взаимосвязи экономической системы с социумом. Не порывая с сугубо европейскими либеральными ценностями, такими как экономическая свобода и ограниченность вмешательства государства в дела хозяйственной жизнедеятельности, российские экономисты тем не менее рассматривали государство как специфический локомотив в достижении целей экономического развития. Данная позиция различным образом отражается в их работах, и, более того, существенно эволюционирует, но при этом является явно просматриваемой. Здесь мы вполне солидарны с немецким экономистом Й. Цвайнертом, исследователем русской экономической мысли XIX – начала XX в., который отметил, что экономисты Запада, чье творчество касалось указанного периода, экономику выделяли в виде совершенно самостоятельной системы, а исследователи из России «принимали ее как неотъемлемую часть общества и государства», более того – «выступали против ее изолированного рассмотрения»⁵.

---

⁵ Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905 / перевод с немецкого Л.И. Цедилина; под научной редакцией В.С. Автономова. Москва: ГУ ВШЭ, 2007. С. 26–30, 356–360.

Такой подход обусловил появление в работах российских либералов термина «нравственный капитал», наличие доказательств взаимосвязи нравственности и экономического развития (И.К. Бабст, И.И. Янжул, А.И. Бутовский, Д.И. Менделеев, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский и др.)⁶.

Либеральный спектр в среде экономистов России середины XIX – начала XX в. был достаточно широк. Уже в середине XIX столетия экономическая либеральная идеология достаточно четко проявилась в работах ранних представителей этого течения. В первую очередь речь идет о работах И.К. Бабста, Е.Ф. Корша, В.П. Боткина. Реформы 60–80-х гг. XIX в. поставили в центр внимания такие элементы образа экономического будущего России, как вопросы собственности, землевладения, свободы для промышленности и торговли. Россия будущего мыслилась либералами как страна с минимальными ограничениями для развития промышленности и торговли; страна, в которой свободы и права личности в обществе неразрывно связаны со свободой промышленности и торговли; где формирование личности является результатом осознания индивидом своей «особенности» и частных интересов; где условием успешного расширения системы частной собственности будет человек, способный к непрерывному обновлению поля деятельности и преодолению силы коллективных традиций.

Основная часть

Применительно к целенаправленной деятельности политических партий и течений в лице их представителей вряд ли целесообразно описывать ее как некую простую сумму образов, возникающих у индивидов, так или иначе идентифицирующих себя с некоей общностью. Соответственно, как нам представляется, в процессе применения институции «образ будущего» к

---

⁶ См.: *Бабст И.К.* Избранные труды / под редакцией М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. Москва: Наука, 1999 (Серия: Российская экономическая мысль); *Бабст И.К.* О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 4. С. 61–77; *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / под редакцией О. Платонова. Москва: Институт русской цивилизации, 2009; *Бутовский А.И.* Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии // Сочинения Александра Бутовского: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография 2-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1847; *Менделеев Д.И.* Заветные мысли // Менделеев Д.И. К познанию России. Москва: Айрис-пресс, 2002. С. 218–374; *Туган-Барановский М.И.* Основы политической экономии. Москва: РОССПЭН, 1998; *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905 / перевод с немецкого Л.И. Цедилина; под научной редакцией В.С. Автономова. Москва: ГУ ВШЭ, 2008; *Янжул И.И.* Избранные труды / под редакцией М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. Москва: Наука, 2005 (Серия: Российская экономическая мысль) и др.

политико-правовым и социально-экономическим учениям, было бы полезно ввести критерий степени верификации прогнозного «образа будущего», некий вариант «антиманиловщины» в стандартном понимании содержания данного термина, основанном на априорном предположении о наличии у субъекта, создающего образ будущего, высокой степени саморефлексии. Последняя, ввиду того, что мы имеем дело с процессами, происходящими в психике человека преимущественно на субъектном уровне, должна обеспечить возможность максимально абстрагироваться от личностных симпатий и антипатий в отношении конструируемого образа будущего. Также, как нам представляется, высокая степень саморефлексии субъекта, создающего образ будущего, является в какой-то мере гарантией от попадания в так называемую «ловушку обратного времени», под которой мы понимаем следующую структурно-логическую связь: субъект, создающий образ будущего, неминуемо оперирует имеющимися у него знаниями (представлениями, в том числе и о прошлых этапах развития социальной системы, образ будущего каковой он пытается сформулировать). Однако после того, как некий образ будущего сформирован, он, в силу того, что является частью социальной реальности, начинает оказывать влияние на восприятие прошлого, которое неосознанно (осознанное воздействие – это иной процесс) начинает изменяться. Происходит, в своем роде, процесс подгонки условий задачи к готовому ответу. Масштабным примером ловушки обратного времени может быть любой случай жесткого детерминизма, например, когда история страны, начиная с раннефеодальной монархии, неизбежно вела к победе социалистической революции, хотя последняя, с позиций классического марксизма, таковой и не являлась. От подобного обратного воздействия и должна защищать исследователя высокая степень саморефлексии, сколь бы ни близка ему была оруджавская строфа о том, что «каждый пишет, что он слышит, каждый слышит, как он дышит...»

Исходя из данных, в силу жанра статьи ограниченных по объему теоретических положений, сформулируем ряд базовых перспективных подходов к изучению «образа будущего», сформированного в политико-правовой мысли и соответствующей политической практике российского либерализма. Прежде всего, базовой парадигмой, основой нашей исследовательской гипотезы выступает концептуальное предположение В.В. Шелохаева, развитое в работах членов его научной школы, о наличии у российского либерализма целостной либеральной модели преобразования социально-политической системы страны⁷. Вместе с тем, было бы неверно

⁷ Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17; Зверев В.В. и др. Модели

отождествлять данную модель с либеральным «образом будущего». Модель – явление гораздо более масштабное, включающее в себя большое количество частных аспектов, структуризацию целей, алгоритмизацию их достижения и тому подобное. «Образ будущего» представляется нам явлением качественно иным, формирующим то, что находится, образно говоря, на линии горизонта.

Аналогичный подход к источниковой базе нашего исследования позволяет выделить в первую очередь теоретическое наследие отечественного либерализма, начиная с трудов отцов-основателей и заканчивая, что представляется логичным, работами эмигрантского периода. Весьма перспективным источником выступают программные и иные сходные с ними по сути документы, созданные в процессе партийно-политической деятельности. Примером, хотя и непростительно упрощающим, а скорее даже усложняющим поставленную проблему, может выступать дихотомия кадетской программы в части выбора типологии будущего государственного устройства России, а также предоставления избирательных прав женскому населению. Неотъемлемой частью образа будущего должны выступать и методы социального конструирования, общественных преобразований, критерии достижения того или иного уровня конструируемого образа. В этом отношении очень хорошо прослеживается особенность формирования образа будущего в либеральной экономической мысли, там, где мы имеем дело с иной степенью возможности формализации соответствующего материала.

Тезис о том, что российская экономическая мысль в трактовке образа будущего кардинально не отличалась от мирового мейнстрима, подтверждается тем, что в работах ранних русских либералов не подвергалось сомнению право человека на приобретение, распоряжение и защиту своей частной собственности, оно было абсолютным; а также одобрялась роль государства в качестве «ночного сторожа» в хозяйственных вопросах. Показательна в этом отношении позиция И.К. Бабста:

Предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого

общественного переустройства России. XX век / ответственный редактор В.В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2004; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. Москва: РОССПЭН, 1991; *Аронов Д.В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906–1917 гг. Москва: Юрист, 2005 и др.

отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели⁸.

Именно реализация идеи свободы, по мнению либералов, должна была привести к оживлению экономического развития. Вторым условием являлся иностранный капитал, на который возлагалась роль не только источника модернизации, но и интегратора российского экономического пространства в европейский рынок. Следует заметить, что идея привлечения инвестиционного капитала из-за границы воплотилась в экономической политике российского правительства во второй половине позапрошлого столетия.

Мейнстримовской являлась и идея, вполне протестантского толка, о необходимости обеспечения предельной бережливости, честности и трудолюбия в качестве условия успешной хозяйственной деятельности и экономического роста. Но иллюзий в этом отношении у российских либеральных экономистов было куда больше, чем у их западных единомышленников. Честность участников производственных отношений была краеугольным камнем их теории. При этом утверждалось, что по мере развития экономики уровень честности и цивилизованности будет возрастать. И.К. Бабст в вышеупомянутой работе утверждал, что

чем выше цивилизация в народе, чем более в нем честности, тем выше в нем дух благородной предприимчивости, и последний становится тогда благодетелем народным, благодетелем целого человечества⁹.

Вопрос о нравственной основе светлого экономического образа будущей России затрагивали и иные экономисты. И.И. Янжул, который более известен как один из основателей отечественной финансовой науки, написал целый очерк «Экономическое значение честности», где указывал, что

ни одна из добродетелей, создающих наиболее богатства в стране, не имеет такого значения, как честность. Без доверия, которое на ней покоится, не может развиваться ни промышленность, ни торговля. Поэтому все цивилизованные государства считают своим долгом обеспечить существование этой добродетели самыми строгими законами и требовать их исполнения. Здесь разумеется: 1) честность, как исполнение обещания,

---

⁸ Бабст И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала // Бабст И.К. Избранные труды / под редакцией М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. Москва: Наука, 1999. С. 123.

⁹ Бабст И.К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. С. 125.

2) честность, как уважение чужой собственности, 3) как уважение к чужим правам и 4) как уважение к существующим законам и нравственным правилам¹⁰.

И.И. Янжул считал, что ложь и обман на самом деле играют слишком большую роль в русской жизни и грозят уничтожить и парализовать все благо от производимых реформ.

Показательно и то, что другой мыслитель данной эпохи – А.И. Бутовский – один из трех томов курса политической экономии озаглавил «Политэкономия как нравственная наука»¹¹.

Идеи о существовании нематериальных ограничительных рамок мы находим в работах целой плеяды экономистов конца XIX – начала XX в. Д.И. Менделеев, которого в нашей стране больше воспринимают как химика, но работы которого в области политэкономии не менее известны в узкопрофессиональной среде, указывал в них:

Развитие блага народного, определяясь мерой роста и общностью распространения нравственных начал и внешнего благосостояния, зависит очень сильно не только от прав граждан, но и от обязанностей, определяемых убеждениями, обычаями и законами¹².

Либеральный мыслитель и ученый-экономист С.Ф. Шарапов, характеризуя экономическую идею «пользы», возникшую в теории маржиналистов, отмечал, что можно преодолеть ограниченность этого подхода, если придать данной категории место

служебного начала другому высшему нравственному и бессмертному началу. Понятия совершенно перестанавливаются, и человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь из рабов Ротшильда в «рабы Господни»¹³.

---

¹⁰ Янжул И.И. Экономическое значение честности: забытый фактор производства // Янжул И.И. Избранные труды / под редакцией М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. Москва: Наука, 2005. С. 407

¹¹ Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии // Сочинения Александра Бутовского: в 3 т. Т. 1 Политэкономия как нравственная наука. Санкт-Петербург: Типография 2-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1847.

¹² Менделеев Д.И. Заветные мысли. С. 286.

¹³ Шарапов С.Ф. Россия будущего / ответственный редактор О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. С. 54.

С.Н. Булгаков также отмечал справедливость существования определенных рамок для деятельности, поскольку они оставляют место проявлениям свободы¹⁴. Выдержки из работ аналогичного типа можно приводить бесконечно.

Русские экономисты либерального толка фактически указывали на то, что характер нравственных основ в хозяйственных отношениях создает саму экономическую систему, а не просто говорили о значимости духовных начал для развития экономики. В этом плане они явно были впереди родоначальников институциональной экономической школы. Все, что Т. Веблен обозначил как «институты» (нормы, правила, обычаи делового оборота и тому подобное), российские мыслители считали производными от духовно-нравственного начала. И это, несомненно, стало одной из составляющих образа будущего в России. Иными словами, можно утверждать, что образ экономического будущего России представлял ее как промышленно развитую страну европейско-либерального типа, базирующую свое развитие на нравственном ведении хозяйства.

Особо необходимо отметить восприятие человека российскими либеральными экономистами в контексте будущего страны. Мыслители определяли его роль в экономике именно в качестве творца хозяйствования. Уже С.Н. Булгаков в «Философии хозяйства» критиковал представителей исторической школы Германии за то, что они вычеркивают

индивидуальность и ставят на ее место группы и классы, «совокупности», в которых индивидуальное всецело закрывается типическим, поэтому устраняется свобода и творчество и повсюду видится лишь непрерывная социальная закономерность¹⁵.

Д.И. Менделеев, разграничивая категории «труд» и «работа», утверждал, что все действительно новое создается лишь трудом людей, обладающих вольным, духовным созданием. Аналогичную позицию высказывали И.К. Бабст, М.И. Туган-Барановский, И.Я. Горлов, В.Я. Железнов (в своей социальной теории распределения) и другие русские экономисты. Весьма интересны идеи М.И. Туган-Барановского, который, дискутируя с идеями К. Маркса, полагал, что рабочая сила не служит товаром, так как работник – личность, наделенная потребностями. В своих работах он указывал, что признание труда основой стоимости, возможность сравнения всех видов труда и

¹⁴ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. С. 326.

¹⁵ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. С. 318.

их объединение в понятии общественного труда и есть признание верховной ценности человеческой личности¹⁶.

Здесь интересен контекст исследований труда, доходов и научно-технических изменений, без которых, по мнению российских мыслителей и экономистов, невозможна процветающая Россия. В рамках данной проблематики, российские политэкономы сформулировали некоторые положения, а именно: переход к труду на себя требует нравственного развития; весьма важен творческий интеллектуальный труд, результатом которого становятся производственные улучшения; следует различать производительный труд как общественно полезный и непроизводительный, ведущий к разрушениям или связанный с производствами, от которых страдает социум. Более детально данный аспект нами проанализирован в монографии 2006 г.¹⁷ Этот контекст позволяет определить основной путь, который ведет к процветанию страны (к ее идеальному экономическому образу). Им становится, по мнению российских либеральных мыслителей, творческий свободный производительный труд, основанный на нравственных началах.

Несмотря на мейнстримовские идеи, переход российских либералов-экономистов в своих работах к адаптации европейского опыта к условиям российской действительности заставлял корректировать образ идеальной экономики будущего России с учетом национальных особенностей страны. Это превращало их экономическую программу из утопической в весьма прагматическую. И.К. Бабст, вслед за А. Маршаллом и представителями исторической школы Германии, отмечал:

Заглянув пристальнее в различные эпохи народного хозяйства у того или у другого народа, разобрав все условия различных форм народного хозяйства, экономист необходимо должен будет отбросить все односторонние попытки навязать одни и те же экономические законы и формы всем народам, несмотря на совершенно иной характер, на совершенно различные условия жизни каждого из них¹⁸.

На основании вышесказанного можно утверждать, что образ России, созданный в работах российских либеральных экономистов, не был исключительно утопией. Несмотря на наличие определенных иллюзий, он

¹⁶ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. С. 63–64.

¹⁷ Аронова С.А. Институционализация взаимосвязи уровней занятости, доходов населения и научно-технических изменений. Москва: Юрист, 2006.

¹⁸ Бабст И.К. О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита. С. 17.

предполагал учет временной конкретики, включавшей экономический менталитет и действующие условия.

В силу этого парадоксальным и противоречащим мейнстримовским либеральным идеям было представление о том, что достичь этого светлого будущего можно будет только при условии нового этапа реформ «сверху». Основополагающая роль в претворении в реальную жизнь либеральных планов отводилась именно государству, просвещенному и самодержавному. Именно на него возлагалась реализация политики системной европеизации и преобразования всей внутренней жизни Российской империи. Вопрос о том, что по логике событий действующее государство должно изживать само себя, превращаясь в конституционную монархию, оставался за скобками экономической дискуссии.

Заключение

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что как в политико-правовой, так и в социально-экономической либеральной мысли России в начале XX в. сформировались идеологемы, которые мы можем идентифицировать как своеобразный образ будущего, оказавший соответствующее влияние как на развитие теоретических исследований, так и на принятие практических решений в политико-правовой практике российского либерализма в парламентский период его дореволюционной истории. Представляется необходимым к современным исследовательским задачам исторической науки в сфере политической и социально-экономической истории отнести уточнение теоретического понимания дефиниции «образ будущего», применительно к теоретическому наследию российского либерализма, а также с известной и неизбежной степенью допуска максимально детализировать тот образ будущего, который сформировался в либеральной среде в начале XX в.

Introduction

The issue of the formation of the so-called image of the future in party programs and politico-legal legacy of certain political forces is important because naturally, in the presence of healthy scientific skepticism, it allows us to make one of the most difficult steps in historical science: to try to penetrate the worldview of those who left us the fruits of their theoretical reflections and quite applicable politico-legal

scenarios of implementing their ideas. Understanding of what the heroes of our current research were striving for and how cold analytics and sincere spiritual aspirations correlated in the image of the future they formed, in our view, can become one of the methodological approaches that will allow us to consider many sources already introduced into scientific circulation in a new way as well as use their new combinations.

One of the problems in using the concept of "image of the future" in relation to the political history of Russian liberalism (as well as to other currents of political and legal thought) is the obviously insufficient degree of development of this concept at the moment in both domestic and foreign science. The phrase "image of the future" has been in the modern language for a long time but is not always used by representatives of various professions, subcultures, scientific directions in the same way. As I. Zheltikova, one of the leading Russian experts analyzing such philosophical concepts, rightly notes, "the phrase 'image of the future' is used intuitively rather than rationally."¹ The phrase itself entered scientific circulation thanks to the works of Danish sociologist Fred Polak, who proposed definitions close enough to the "image of the future" to explain a number of phenomena of public life. However, despite the fact that its use in speech has more than half a century of history, strictly institutional definition of this concept has not been given yet.²

We share I. Zheltikova's opinion that

in humanitarian studies, the time has come to move from the arbitrary use of the phrase "image of the future" to its categorical consolidation, which requires defining the meaning of the term "image of the future" as an independent category of socio-humanitarian research and identifying its ontological status.³

An undoubted contribution to this process is the definition of the "image of the future" proposed by I. Zheltikova. According to her, it is

---

¹ I.V. Zheltikova, "The image of the future in F. Polak's interpretation" [In Russian], *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, no. 3 (23) (2013), accessed March 23, 2022, <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201311>.

² For more, see I. Boshchenko, "The Image of the Future". *History is "The Never-Ending Book." Our answer to Fukuyama* [in Russian], LiveJournal, accessed March 23, 2022, <https://ani-al.livejournal.com/2000533.html>; S.G. Kara-Murza and V.V. Patokov, *Russia: point 2010, the image of the future and the way to it* [in Russian] (Moscow: Obshchestvennyi dialog, 2010); M.L. Khazin, "Russia is in dire need of its own 'image of the future'" [in Russian], *Mul'tiportal KM*, accessed March 23, 2022, <http://www.km.ru/nodc/624481/comments>; I.V. Zheltikova, "Utopia as an image of the future" [in Russian], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, no. 9 (152) (2013): 302–11; et al.

³ Zheltikova, "The image of the future in F. Polak's interpretation."

a relatively complete picture of the future, which is developed at a certain time in a certain society and is one of the elements of social reality.⁴

At the same time, the author is fully aware that the researchers formulating the definition are only at the beginning of the path and notes that her version is initially intuitive in nature.

Despite its obvious merits, the proposed definition appears impossible to be applied without changes to the subject of our study, namely, to the analysis of the politico-legal and socio-economic thought of Russian liberalism. Its main drawback in this case is its universalism, which is inevitably inherent in the definitions of this level of generalization. As I. Zheltikova rightly points out in her analysis of F. Polak's works (in the author's translation) and his predecessors, the image of the future is generated in a variety of social groups, acquiring the features that are difficult to typify. That is, certain images of the future were projected, for example, by many literary heroes, such as Akakii Akakievich or Rakhmetov, but bringing these images together is hardly possible in principle. The series of similar examples can be extended considerably.

The formation of the image of the future in the socio-economic segment of liberal public thought also has a number of specific features. Russian political economy of the second half of the nineteenth century developed in the general context of world economic science. It received a certain impetus thanks to the liberal reforms of the 1860s. But it is impossible to ignore some features of our economic school that affected the formation of the image of the future of Russia, a significant difference in the perception of the place and the relationship of the economic system with society being considered the most important of them. Without breaking with purely European liberal values, such as economic freedom and the limitation of state intervention in the affairs of economic life, Russian economists considered the state as a specific locomotive in achieving the goals of economic development. This position is reflected in their works in various ways, and, moreover, it evolves significantly, but at the same time it is clearly visible. Here we fully agree with German economist J. Zweynert, a researcher of Russian economic thought in the 19th – early 20th centuries, who noted that the Western economists whose work concerned this period singled out economy as a completely independent system, whereas researchers from Russia "accepted it as an integral part of society and the state"; moreover, they "opposed its isolated consideration."⁵

---

⁴ Zheltikova, "The image of the future in F. Polak's interpretation."

⁵ J. Zweynert, *A history of Russian economic thought in the 19th century* [in Russian], trans. L.I. Tsedilin, ed. V.S. Avtonomov (Moskva: GU VShE, 2008), 26–30, 356–60.

This approach led to the appearance of the term “moral capital” in the works of Russian liberals and the presence of evidence of the relationship between morality and economic development (I. Babst, I. Yanzhul, A. Butovskii, D. Mendeleev, S. Bulgakov, M. Tugan-Baranovskii, etc.).⁶

The liberal spectrum among Russian economists of the mid-nineteenth – early twentieth centuries was quite wide. Already in the middle of the nineteenth century, the economic liberal ideology was quite clearly manifested in the works of early representatives of this trend. First of all, we are talking about the works of I. Babst, E. Korsh, and V. Botkin. The reforms of the 1860s – the 1880s put such elements of the image of the economic future of Russia as issues of property, land ownership, and freedom for industry and trade in the center of attention. Russia of the future was conceived by liberals as a country with minimal restrictions for the development of industry and trade; a country in which the freedoms and rights of an individual in society were inextricably linked with the freedom of industry and trade; where the formation of personality is the result of the individual’s awareness of their “peculiarities” and private interests; where the condition for the successful expansion of the private property system would be a person capable of continuous renewal of the field of activity and overcoming the power of collective traditions.

Main body

With regard to the purposeful activity of political parties and movements through their representatives, it is hardly appropriate to describe it as a certain simple sum of images that arose in individuals who somehow self-identified themselves with a certain community. Accordingly, it seems to us that in the process of applying the “image of the future” institution to politico-legal and socio-economic doctrines, it would be useful to introduce a criterion for the degree of verification of the predictive “image of the future,” a kind of “anti-Manilovism” in the standard understanding of the content of this term based on the a priori assumption that the subject creating the

---

⁶ See I.K. Babst, *Selected works* [in Russian], ed. M.G. Pokidchenko and E.N. Kalmychkova, Russian economic thought (Moscow: Nauka, 1999); I.K. Babst, “On the nature of political and economic doctrines that arose after Adam Smith” [in Russian], *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 4 (1856): 61–77; S.N. Bulgakov, *Philosophy of Economy* [in Russian], ed. O. Platonov (Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2009); A.I. Butovskii, *Works by Alexander Butovskii* [in Russian], vol. 1, *Experiment on national wealth, or on the basics of political economy* (St Petersburg: Tipografiya 2-go otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1847); D.I. Mendeleev, “Cherished thoughts” [in Russian], in *To the knowledge of Russia* (Moscow: Airispress, 2002), 218–374. M.I. Tugan-Baranovskii, *Fundamentals of political economy* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1998); J. Zweynert, *A history of Russian economic thought in the 19th century* [in Russian], trans. L.I. Tsedilin, ed. V.S. Avtonomov (Moskva: GU VShE, 2008); I.I. Yanzhul, *Selected works* [in Russian], ed. M.G. Pokidchenko, and E.N. Kalmychkova, Russian economic thought (Moscow: Nauka, 2005); et al.

image of the future has a high degree of self-reflection. In view of the fact that we are dealing with processes occurring in the human psyche mainly at the subjective level, self-reflection should provide an opportunity to abstract as much as possible from personal likes and dislikes in relation to the image of the future that is being constructed. It also seems to us that a high degree of self-reflection of the subject creating an image of the future is, to some extent, a guarantee against falling into the so-called reverse time trap, by which we mean the following structural and logical connection: the subject creating the image of the future inevitably operates with the knowledge available to him (ideas, including those about the past stages of the development of the social system, whose image of the future he is trying to formulate). However, after a certain image of the future is formed, due to the fact that it is a part of social reality, it begins to influence the perception of the past, which unconsciously (conscious influence is a different process) begins to influence the perception of the past. It is, in its own way, the process of fitting the conditions of the problem to the finished answer. Any case of rigid determinism can be a large-scale example of the reverse time trap, for instance, when the history of a country starting from the early feudal monarchy inevitably led to the victory of socialist revolution, although the latter, from the standpoint of classical Marxism, was not the victory. A high degree of self-reflection should protect the researcher from such a feedback, no matter how close to him is the Okudzhava's stanza that "everyone writes what he hears, everyone hears as he breathes. . ."

Based on the above theoretical provisions, which, due to the genre of the article, are limited in scope, let us formulate a number of basic promising approaches to the study of the image of the future that was formed in the politico-legal thought and the corresponding political practice of Russian liberalism. First of all, the basic paradigm and the basis of our research hypothesis is the conceptual assumption of V. Shelokhaev, further developed in the works of members of his scientific school, about the presence of a holistic liberal model for the transformation of the country's socio-political system in Russian liberalism.⁷ At the same time, it would be wrong to identify this model with the liberal image of the future. A model is a much larger phenomenon, including a large number of particular aspects, structuring goals, algorithmization of their achievement, etc. The image of the future seems a qualitatively different phenomenon that forms what is on the horizon line, figuratively speaking.

---

⁷ V.V. Shelokhaev, "The disputable problems of the history of Russian liberalism in recent Russian writing" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 5 (2007): 3–17; V.V. Zverev; et al., *Models of social reorganization of Russia. 20th century* [in Russian], ed. V.V. Shelokhaev (Moscow: ROSSPEN, 2004); V.V. Shelokhaev, *Liberal model of the reorganization of Russia* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 1991); D.V. Aronov, *Legislative activity of Russian liberals in the State Duma. 1906–1917* [in Russian] (Moscow: Yurist, 2005); et al.

A similar approach to the source base of our study allows us to single out, first of all, the theoretical heritage of Russian liberalism, starting with the works of its founding fathers and ending, which seems quite logical, with the works of the émigré period. Programs and others similar in essence documents created in the process of political party activity are a very promising source. An example, although unforgivably simplifying, and rather complicating the problem posed, can be found in the dichotomy of the Kadet program in terms of choosing a typology for the future state structure of Russia as well as granting voting rights to the female population. The methods of social construction and social transformations as well as the criteria for achieving one or another level of the constructed image should also be an integral part of the image of the future. In this regard, the peculiarity of the formation of the image of the future in liberal economic thought is very well seen, as we are dealing with a different degree of the possibility of formalizing the relevant material.

The thesis that in its interpretation of the image of the future, Russian economic thought did not fundamentally differ from the world mainstream is confirmed by the fact that in the works of early Russian liberals the human right to acquire, dispose, and protect one's private property was not questioned; it was absolute. The role of the state as a "night watchman" in economic matters was approved. The position of I. Babst is indicative in this regard:

Giving every person and every industrial society a free field of activity, not accustoming the people to the idea that in their economic affairs they need a permanent nanny, limiting only to supervision or good strict laws against any encroachment on other people's property and mainly in relation to debtors, to bankruptcies; and then private interest, personal gain will lead each individual industrialist and national industry in general to the desired goal.⁸

According to the liberals, it was the realization of the idea of freedom that should lead to the revival of economic development. The second condition was foreign capital, which was assigned the role of a source of modernization and also an integrator of the Russian economic space into the European market. It should be noted that the idea of attracting investment capital from abroad was embodied in the economic policy of the Russian government in the second half of the nineteenth century.

In the mainstream was the idea, of quite Protestant nature, of the need to ensure the utmost thrift, honesty, and diligence as conditions for successful economic activity and economic growth. However, Russian liberal economists had far more

---

⁸ I.K. Babst, "On some conditions contributing to the multiplication of national capital" [in Russian], in I.K. Babst, *Selected works*, ed. M.G. Pokidchenko, and E.N. Kalmychkova (Moscow: Nauka, 1999), 123.

illusions in this respect than their Western counterparts. Honesty of the participants in industrial relations was the cornerstone of their theory. At the same time, it was argued that with the development of economy, the level of honesty and civility would increase. In the aforementioned work, I. Babst argued that

the higher the civilization in the people, the more honesty in them, the higher the spirit of noble enterprise, and the latter then becomes the benefactor of the people, the benefactor of the entire mankind.⁹

The issue of the moral basis of the bright economic image of the future Russia was also touched upon by other economists. I. Yanzhul, who is better known as one of the founders of Russian financial science, wrote an essay "Economic Value of Honesty," where he pointed out that

none of the virtues that create most wealth in the country is as important as honesty. Without the trust that rests on it, neither industry nor trade can develop. Therefore, all civilized states consider it their duty to ensure the existence of this virtue by the strictest laws and to demand their execution. Here of course: (1) honesty as the fulfillment of a promise, (2) honesty as respect for someone else's property, (3) as respect for someone else's rights and (4) as respect for existing laws and moral rules.¹⁰

I. Yanzhul believed that lies and deception actually play too big role in Russian life and threaten to destroy and paralyze all the benefits of the reforms being carried out.

It is also indicative that another thinker of this era A. Butovskii entitled one of the three volumes of the political economy course *Political Economy as a Moral Science*.¹¹

We find ideas about the existence of non-material limiting frames in the works of a number of economists of the late 19th – early 20th centuries. D. Mendeleev, who is better-known in our country as a chemist but whose work in the field of political economy is no less known in a narrow professional environment, pointed out:

---

⁹ Babst, "On some conditions contributing to the multiplication of national capital," 125.

¹⁰ I.I. Yanzhul, "Economic value of honesty: a forgotten factor of production" [in Russian], in I.I. Yanzhul *Selected works*, ed. M.G. Pokidchenko, and E.N. Kalmychkova (Moscow: Nauka, 2005), 407.

¹¹ A.I. Butovskii, "Experiment on national wealth, or on the principles of political economy" [in Russian], in *Works by Alexander Butovskii*, 3 vols., vol. 1, *Political Economy as a moral science* (St Petersburg: Tipografiya 2-go otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1847).

Being determined by the measure of growth and the generality of the spread of moral principles and external well-being, the development of the welfare of the people very much depends not only on the rights of citizens but also on the duties determined by beliefs, customs, and laws.¹²

Describing the economic idea of "benefit" that arose in the theory of marginalists, liberal thinker and economist S. Sharapov noted that it is possible to overcome the limitations of this approach if we give this category a place of

a service principle to another higher moral and immortal principle. Concepts are reversed and a person turns from a submissive slave of economic forces into their master, turning from Rothschild's slave into "servants of God."¹³

S. Bulgakov also noted the validity of the existence of certain frameworks for activity, since they leave room for manifestations of freedom.¹⁴ Excerpts from works of a similar type can be given endlessly.

Russian liberal economists actually pointed out that the nature of the moral foundations in economic relations creates the economic system; they did not just talk about the importance of spiritual principles for the development of the economy. In this regard, they were clearly ahead of the founders of the institutional economic school. Everything that T. Veblen designated as institutions (norms, rules, business practices, etc.) was considered by Russian thinkers to be derived from the spiritual and moral principle. And this undoubtedly became one of the components of the image of the future in Russia. In other words, it's safe to say that the image of Russia's economic future represented it as an industrially developed country of the European liberal type that based its development on moral management of the economy.

It is necessary to note the perception of an individual by Russian liberal economists in the context of the country's future. The tinkers defined his role in the economy precisely as the creator of economic management. S. Bulgakov in *Philosophy of Economy* criticized representatives of the historical school of Germany for the fact that they cross out

individuality and put in its place groups and classes, "aggregates," in which the individual is completely covered by the typical; therefore freedom and creativity are eliminated and only continuous social regularity is seen everywhere.¹⁵

---

¹² Mendeleev, "Cherished thoughts," 286.

¹³ S.F. Sharapov, *Russia of the future* [in Russian], ed. O.A. Platonov (Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011), 54.

¹⁴ Bulgakov, *Philosophy of economy*, 326.

Distinguishing the categories of labor and work, D. Mendeleev argued that everything really new was created only by the labor of the people who had a free spiritual creativity. A similar position was expressed by I. Babst, M. Tugan-Baranovskii, I. Gorlov, V. Zheleznov (in his social theory of distribution) and other Russian economists. Of interest are the ideas of M. Tugan-Baranovskii. Debating the ideas of K. Marx, he believed that workforce does not serve as a commodity, since an employee is a person endowed with needs. In his works, he pointed out that the recognition of labor as the basis of cost and the possibility of comparing all types of labor and combining them in the concept of social labor is the recognition of the supreme value of the human personality.¹⁶

What is of interest here is the context of studies into labor, income, and scientific and technological changes without which, according to Russian thinkers and economists, prosperous Russia was impossible. Russian political economists formulated some provisions within the framework of this problem: the transition to self-employment requires moral development; of great importance is creative intellectual work that results in production improvements; it is necessary to distinguish productive labor as socially useful and unproductive labor as leading to destruction or related to industries from which society suffers. We analyzed this aspect in more detail in the monograph of 2006.¹⁷ This context allows us to determine the main path that leads to the prosperity of the country (to its ideal economic image). According to Russian liberal thinkers, it is creative free productive labor based on moral principles.

Despite the mainstream ideas, the transition of Russian liberal economists in their works to the adaptation of European experience to the conditions of Russian reality forced them to adjust the image of the ideal economy of the future of Russia taking into account national characteristics of the country. This turned their economic program from utopian into very pragmatic. Following A. Marshall and representatives of the historical school of Germany, I. Babst, noted:

Having looked more closely into various epochs of national economy of one or another nation, having analyzed all conditions of various forms of national economy, the economist will necessarily have to reject all unilateral attempts to impose the same economic laws and forms on all nations despite a completely different character and completely different living conditions of each of them.¹⁸

---

¹⁵ Bulgakov, *Philosophy of economy*, 318.

¹⁶ Tugan-Baranovskii, *Fundamentals of political economy*, 63–64.

¹⁷ S.A. Aronova, *Institutionalization of the relationship between employment levels, incomes of the population, and scientific and technological changes* [in Russian] (Moscow: Yurist, 2006).

¹⁸ Babst, "On the nature of political and economic doctrines that arose after Adam Smith," 17.

Based on the above, it can be said that the image of Russia created in the works of Russian liberal economists was not utterly utopian. Despite the presence of certain illusions, it assumed consideration of temporal specifics that included the economic mentality and current conditions.

Because of this, paradoxical and contrary to the mainstream liberal ideas was the idea that it would be possible to achieve this bright future only if a new stage of reforms "from above" was conducted. The fundamental role in the implementation of liberal plans in real life was assigned to the state, enlightened and autocratic. It was the state that was entrusted with the implementation of the policy of systemic Europeanization and transformation of the entire internal life of the Russian Empire. The question that according to the logic of events, the existing state should become obsolete turning into a constitutional monarchy was not taken into account in the economic discussion.

Conclusion

Thus, it seems possible to say that certain ideologemes were formed both in the politico-legal and in socio-economic liberal thought of Russia at the beginning of the twentieth century. These ideologemes can be identified as a certain image of the future, which had a corresponding impact on the development of theoretical research and practical decision-making in politico-legal practice of Russian liberalism in the parliamentary period of its pre-revolutionary history. Modern research tasks of historical science in the field of political and socio-economic history should necessarily include clarification of theoretical understanding of the definition of the image of the future in relation to the theoretical legacy of Russian liberalism as well as the best possible particularization, with a certain and inevitable degree of assumption, of the image of the future that was formed in the liberal environment at the beginning of the twentieth century.

Список литературы

Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе. 1906–1917 гг. Москва: Юрист, 2005. 305 с.

Аронова С.А. Институционализация взаимосвязи уровней занятости, доходов населения и научно-технических изменений. Москва: Юрист, 2006. 363 с.

Бабст И.К. Избранные труды / под редакцией М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. Москва: Наука, 1999. 303 с. (Серия: Российская экономическая мысль)

Бабст И.К. О характере политико-экономических учений, возникших после Адама Смита // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 4. С. 61–77.

Бощенко И. «Образ Будущего». История – «Бесконечная книга». Наш ответ Фукуяме // LiveJournal. URL: <http://ani-al.livejournal.com/2000533.html> (дата обращения: 23.03.2022).

Булгаков С.Н. Философия хозяйства / ответственный редактор О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.

Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии // Сочинения Александра Бутовского: в 3 т. Санкт-Петербург: Типография 2-го отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1847. Т. 1. 569 с.

Желтикова И.В. Образ будущего в трактовке Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3 (23). URL: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/3201311>. (дата обращения: 23.03.2022).

Желтикова И.В. Утопия как образ будущего // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 302–311.

Зверев В.В. и др. Модели общественного переустройства России. XX век / ответственный редактор В.В. Шелохаев. Москва: РОССПЭН, 2004. 608 с.

Кара-Мурза С.Г., Патоков В.В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. Москва: Общественный диалог, 2010. 116 с.

Менделеев Д.И. Заветные мысли // Менделеев Д.И. К познанию России. Москва: Айрис-пресс, 2002. С. 218–374.

Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. Москва: РОССПЭН, 1998. 540 с.

Хазин М.Л. России остро необходим свой «образ будущего» // Мультипортал КМ. URL: <http://www.km.ru/nodc/624481/comments> (дата обращения: 23.03.2022).

Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905 / перевод с немецкого Л.И. Цедилина; под научной редакцией В.С. Автономова. Москва: ГУ ВШЭ, 2008. 410 с.

Шарапов С.Ф. Россия будущего / ответственный редактор О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. 720 с.

Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–17.

Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. Москва: РОССПЭН, 1991. 260 с.

Янжул И.И. Избранные труды. / под редакцией М.Г. Покидченко, Е.Н. Калмычковой. Москва: Наука, 2005 (Серия: Российская экономическая мысль). 438 с.

References

Aronov, D.V. *Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' rossiiskikh liberalov v Gosudarstvennoi Dume. 1906–1917 gg.* [Legislative activity of Russian liberals in the State Duma. 1906–1917]. Moscow: Yurist, 2005. (In Russian)

Aronova, S.A. *Institutsionalizatsiya vzaimosvyazi urovnei zanyatosti, dokhodov naseleniya i nauchno-tekhnikeskikh izmenenii* [Institutionalization of the relationship between employment levels, income of the population, and scientific and technological changes]. Moscow: Yurist, 2006. (In Russian)

Babst, I.K. "O kharaktere politiko-ekonomicheskikh uchenii, vznikshikh posle Adama Smita" [On the nature of political and economic doctrines that arose after Adam Smith]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, no. 4 (1856): 61–77. (In Russian)

Babst, I.K. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Edited by M.G. Pokidchenko, and E.N. Kalmychkova. *Rossiiskaya ekonomicheskaya mysl'* [Russian economic thought]. Moscow: Nauka, 1999. (In Russian)

Boshchenko I. "‘Obraz Budushchego.’ Istoriya – ‘Beskonechnaya kniga.’ Nash otvet Fukuyame" ["The image of the future". History is "The Never-Ending Book." Our answer to Fukuyama]. *LiveJournal*. Accessed March 23, 2022. <https://ani-al.livejournal.com/2000533.html> (In Russian)

Bulgakov, S.N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of economy]. Edited by O.A. Platonov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2009. (In Russian)

Butovskii, A.I. *Opyt o narodnom bogatstve ili o nachalakh politicheskoi ekonomii* [Experiment on national wealth, or on the basics of political economy]. *Sochineniya Aleksandra Butovskogo* [Works by Alexander Butovskii], 3 vols., vol. 1. St Petersburg: Tipografiya 2-go otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1847/ (In Russian)

Kara-Murza, S.G., and V.V. Patokov. *Rossiya: tochka 2010, obraz budushchego i put' k nemu* [Russia: point 2010, the image of the future and the way to it]. Moscow: Obshchestvennyi dialog, 2010. (In Russian)

Khazin, M.L. "Rossii ostro neobkhodim svoi 'obraz budushchego'" [Russia is in dire need of its own 'image of the future']. *Mul'tiportal KM*. Accessed March 23, 2022. <http://www.km.ru/nodc/624481/comments> (In Russian)

Mendelev, D.I. "Zavetnye mysli" [Cherished thoughts]. In *K poznaniyu Rossii* [To the knowledge of Russia], 218–374. Moscow: Airis-press, 2002. (In Russian)

Sharapov, S.F. *Rossiya budushchego* [Russia of the future]. Edited by O.A. Platonov. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, 2011. (In Russian)

Shelokhaev, V.V. "Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveishei otechestvennoi literature" [The disputable problems of the history of Russian liberalism in recent Russian writing]. *Voprosy istorii*, no. 5 (2007): 3–17. (In Russian)

Shelokhaev, V.V. *Liberal'naya model' pereustroistva Rossii* [Liberal model of the reorganization of Russia]. Moscow: ROSSPEN, 1991. (In Russian)

Tugan-Baranovskii, M.I. *Osnovy politicheskoi ekonomii* [Fundamentals of political economy]. Moscow: ROSSPEN, 1998. (In Russian)

Yanzhul, I.I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Edited by M.G. Pokidchenko, and E.N. Kalmychkova. *Rossiiskaya ekonomicheskaya mysl'* [Russian economic thought]. Moscow: Nauka, 2005. (In Russian)

Zheltikova, I.V. "Obraz budushchego v traktovke F. Polaka" [The image of the future in F. Polak's interpretation]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, no. 3 (23) (2013). Accessed March 23, 2022. <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201311> (In Russian)

Zheltikova, I.V. "Utopiya kak obraz budushchego" [Utopia as an image of the future]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, no. 9 (152) (2013): 302–11. (In Russian)

Zverev, V.V.; et al. *Modeli obshchestvennogo pereustroistva Rossii. XX vek* [Models of social reorganization of Russia. 20th century]. Edited by V.V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2004. (In Russian)

Zweynert, J. *Istoriya ekonomicheskoi mysli v Rossii. 1805 – 1905* [A history of Russian economic thought in the 19th century]. Translated from German by L.I. Tsedilin. Edited by V.S. Avtonomov. Moskva: GU VShE, 2008. (In Russian)

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Аронов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института, <https://orcid.org/0000-0002-5991-4638>, aronovdv@mail.ru, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (302026 Россия, Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

Светлана Анатольевна Аронова – доктор экономических наук, профессор, начальник департамента международных связей, <https://orcid.org/0000-0002-5496-699X>, aronovasa@mail.ru, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (302026 Россия, Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

Владимир Иванович Астрахан – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой национальной безопасности Юридического института, <https://orcid.org/0000-0002-6457-7576>, vianostra@mail.ru, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (302026 Россия, Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

Information about the authors

Dmitrii V. Aronov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute, aronovdv@mail.ru, Orel State University named after I.S. Turgenev (95, ul. Komsomol'skaya, Orel, 302026, Russia).

Svetlana A. Aronova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of International Relations, aronovasa@mail.ru, Orel State University named after I.S. Turgenev (95, ul. Komsomol'skaya, Orel, 302026, Russia).

Vladimir I. Astrakhan – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of National Security of the Institute of Law, vianostra@mail.ru, Orel State University named after I.S. Turgenev (95, ul. Komsomol'skaya, Orel, 302026, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: all authors made an equivalent contribution to the preparation of this publication. The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; одобрена после рецензирования 17.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.

The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 17.06.2022; accepted for publication 22.06.2022.